

Отмечен Указом Президиума

ТАЛАНТ

В нашем городе Владимир Самойлов — один из тех немногих актеров, на которых «идет зритель». Идет специально — не на пьесу, не на спектакль, а именно «на этого актера», смотреть его в новой роли. Такое заслужить не так-то просто.

Народный артист республики В. Я. Самойлов — с удовольствием поздравим его с только что полученным почетным званием! — в Горьковском театре драмы работает сравнительно недавно (всего семь лет!), но этого трудного зрительского успеха добился как-то сразу, чуть ли не с первого появления на сцене.

Талант? Опыт, высокая квалификация? Актерское обаяние? Все это так, но ведь это имеется и у многих других. В чем секрет своеобразной, необычной притягательности актерской работы Самойлова?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо идти в театр, на любой спектакль с участием В. Я. Самойлова. Каким бы ни был этот спектакль и эта роль, как бы ни играл сегодня актер — лучше или хуже (бывает ведь и так, разумеется!), — с первым появлением его на сцене, с первым звуком голоса вас не покидает ощущение встречи с чем-то значительным, вы непрерывно ждете чего-то необычного, глубокого, какого-то ответа вашим мыслям и чувствам. Перед вами не типаж, а личность — и вот вы уже не можете холодно

наблюдать процесс актерской работы, отмечать приемы, удачи и неудачи: вы просто общаетесь с чужой значительной жизнью, радуетесь, досадуете, спорите, «вламываетесь» в мир человеческих переживаний и прямо-таки физически ощущаете их.

Актер — безразлично, какую он роль играет: «историческую» или «современную», «западную» или «советскую» — говорит и мыслит на современном языке, живет на сцене в современных ритмах, не позволяя себе ни на секунду становиться на котурны, декламировать, «подавать текст», позировать, поучать, «вещать», то есть смотреть на зрителя «со стороны», играть, а не жить в условиях той жизни, которую предполагает драматургический материал.

Именно поэтому любая душевная сложность героя — а герои Самойлова всегда очень сложны, в них нет примитивности, в них много неожиданного — становится понятной зрителю. И когда на сцене злоебидный Ричард III в своих старинных воинских доспехах и с тяжелым мечом в руке — это вовсе не коронованный злодей давно прошедших времен, а сегодняшний, сиюминутный враг

ваш, вам — лично вам! — непосредственно опасный, возбуждающий острую, активную, боевую ненависть и желание борьбы.

Никакого другого метода творчества, кроме реализма, Самойлов не признает и никогда, ни в чем не поступает по правде жизни. Поэтому в мелодраме он не сентиментален и не мелодраматичен (вспомним «Потерянного сына» Арбузова), в трагедии — сурово прост и естествен, и это оказывается наиболее соответствующим стилю и жанру, часто вопреки традиционным представлениям. Правда жизни в форме самой жизни — этот великий завет реализма необычайно органичен для творчества Самойлова.

Наиболее запомнились горьковскому зрителю и стали этапными для актера именно те работы, в которых всего яснее проявляются особенности артистической индивидуальности Самойлова: умение создавать сложный, многообразный, неповторимый человеческий характер, современность строя мысли и речи, органичность поведения, жеста, рисунка движения; это сдержанная энергия, наполненность, духовная сила. Актер может быть на сцене и уродом и красавцем — как захочет,

как ему нужно для роли. Он настолько внутренне свободен в своем мастерстве, что рабом своей «фактуры», как иные актеры, никогда не бывает. Как у настоящего большого артиста, у него нет застывшего «амплуа», но он также никогда не сбивается на мелкую характерность — жанровую или типологическую. Бесконечно изменчивый — настоящий Протей! — он в то же время един, даже одинаков в своей человеческой значительности на сцене.

За это и любят. И зрительская любовь к Самойлову-актеру тоже значительна: она лишена поверхностной «жанровой» увлеченности («красивый», «хорошо говорит», «хорошо думает», «смешишь» и т. п.). Общение с актером такого типа воспитывает зрительские вкусы и требования, делает более серьезными и значительными представления зрителя об искусстве театра. Выигрыш взаимный!

Будучи глубоко современным актером по складу своего дарования, Самойлов и в классическом герое ищет современное понимание добра и зла. Неотразим в своей человеческой достоверности у Самойлова герой шекспировской трагедии английский король Ричард III. Эта работа Самойлова — одно из важных завоеваний советской театральной культуры в освоении драматургии Шекспира. Любители традиций вдруг с удивлением увидели на сцене живого Ричарда Глостера — грубого воюя, опаснейшего и наглешего демагога, деловитого циника, размашистого аморалиста, беспощадного и самоуверенного, презирающего людей убийцу — то есть вполне современное зло, даже с очень конкретным адресом.

Столь же разнuzданный, хотя уже обывательски мелкий и трусливый цинизм «дачника» инженера Сулова («Дачники» Горького) — тоже очень активен, открыт и — увы! — еще более жизнестоек. Актерский прицел Самойлова здесь не просто воспроизводит исторический колорит —

настроения русской буржуазной интеллигенции перед 1905 годом, он бьет по современному буржуазному, потребительскому отношению к жизни.

Даже случайная, «проходная» для актера роль купчика Самоквасова в инсценировке романа Мельникова-Печерского «На горах» решена Самойловым в современном ключе: тщательно анализируется противоречивость человеческого — способности к душевному размаху и буржуазного — купчески хитрого, иногда инстинктивного расчета.

Умение раскрыть во всей полноте сложность философских, политических, нравственных исканий современного интеллигента буржуазного Запада и не отвлекаться при этом от конкретной и достоверной психологической характеристики — эти свойства Самойлова-актера особенно проявились в ролях доктора Веннера («Опитель смеется» Кронина) и Четвертого (в одноименной пьесе Симонова).

Однако наиболее щедро богатое содержание актерской натуры Самойлова и его развившееся мастерство проявляются в разнообразных и многогранных героях советского времени, воплощенных артистом на нашей сцене. Здесь гражданственность актера, острая его наблюдательность, принципиальность и умение находить главное в человеке раскрываются всего ярче и убедительнее.

Вопреки намерениям автора пьесы, героем «Иркутской истории» Арбузова стали не идеальное «голубой» Сергей и даже не мяукающая Валька, а механик Виктор Бойцов — человек трудной судьбы, ищущий, ошибающийся, но несущий сквозь жизнь, вопреки всему и часто наперекор самому себе, драгоценное человеческое содержание — неподатливую доброту, неуступчивое мужество, силу и честность. Самойлов сумел это найти в своем герое, а то, что он по возрасту чуть старше его, только придает характеру обаяние жизненного и душевного опыта и сильнее убеждает.

В спектакле «Операция «С Новым годом!» Самойлов играет чекиста Локоткова. Создан удивительно новый, нестандартный ха-

рактер — практически цепкий, деловой, «крестьянский», будто бы заурядный, нарочито простоватый, без малейшей романтической аффектации. И в то же время — какая интеллектуальная острота, какая суровая забота и доброта к «своим», какая пронзительная холодность и тяжелое честное презрение к «чужакам»!

В роли Валентина (спектакль «Жили-были старик со старухой...») Самойлов очень точно нашел линию развития образа. В человеке жило прекрасное, но пряталось, а под влиянием настоящих людей раскрылось. Человек познает и вновь обретает самого себя. Это главное в образе, найденное актером, последовательно раскрывается им в любой сцене. Вот

Валентин, пьяный, рассказывает старику о себе, о своей нелегкой судьбе. Пьяная грубость, пьяная нежность, болтливая откровенность, потом жалость к себе, самоанализ, чувство вины, и, наконец, вместе с постепенным отрезвлением властно вступает горе, и, кажется, видишь, физически ощущаешь, как твердеет и каменеет душа. Не часто видишь на сцене такую радостную свободу актерского мастерства! Здесь актер и зритель вместе празднуют праздник победы человеческой душевной силы над несчастьями, над обстоятельствами, над самим собой.

И, наконец, Мартынов — парторг из спектакля «Совесть», герой и боец, сильный и добрый человек. Для Мартынова-Самойлова его работа — не обязанность, даже не партийный долг, а социально-биологическое назначение, неизбежная и необходимая форма бытия. Он не может ина-

че — как не может не дышать, не пить, не есть. Он никого не поучает — он убеждает самой своей жизнью. Все дело в том, что актер не ищет в положительном герое идеального соответствия нормам морального кодекса, но находит в нем главное: такое соотношение личности и общества, когда личная совесть совпадает с велением времени, с общественными интересами.

Плодотворность актерских исканий Самойлова подтверждается самой жизнью театра. Этап творческого развития актера — всенародное признание его творческих заслуг. Это как раз тот случай, когда звание народного артиста дано не просто за долгие годы работы в театре, а за яркость и значительность сегодняшнего актерского, смело вторгающегося в жизнь искусства.

А. АЛЕКСЕЕВА.

В. Я. Самойлов в ролях (слева направо): Сулова («Дачники»), Самоквасова («На горах»), Мартынова («Совесть»), Локоткова («Операция «С Новым годом!»).